

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ветушко-Калевич Арсений Анатольевич

**НОВОЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ШВЕЦИИ:
ЮХАН ВИДЕКИНД И ЕГО ИСТОЧНИКИ**

Специальность 10.02.14 –

Классическая филология, византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель: **Позднев Михаил Михайлович**,
доктор филологических наук, профессор кафедры
классической филологии ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Братухин Александр Юрьевич**,
доктор филологических наук, доцент, доцент
кафедры мировой литературы и культуры
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
Селин Адриан Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор
Департамента истории Школы социально
гуманитарных наук Санкт-Петербургского
филиала НИУ «Высшая школа экономики»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится «7» июня 2018 года в 16:00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет» по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб.,
д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького
Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте СПбГУ:
<https://disser.spbu.ru/disser/soiskatelyu-uchjonoj-stepeni/dis-list/details/14/1671.html>

Автореферат разослан « » _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

С. В. Вяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В 2000 году Российской академией наук был издан перевод сочинения шведского королевского историографа Юхана Видекинда «История десятилетней шведско-московитской войны», опубликованного в 1671 году на шведском, а в 1672 – на латинском языке. Русский перевод был подготовлен ещё в 1930-е гг., но долгие годы хранился в Санкт-Петербургском Институте Истории в виде рукописи. Обширный труд Видекинда является главным литературным источником, связанным с Ингерманландской войной (1610–1617) и Столбовским миром, и его востребованность в российской историографии начиная с Н. М. Карамзина по сей день чрезвычайно высока. Неудивительно поэтому, что латинская версия книги Видекинда является единственным, помимо сочинений Эммануэля Сведенборга и Карла Линнея, крупным произведением шведской новолатинской литературы, доступным в полном опубликованном русском переводе.

Помимо значения Видекинда для историографии **актуальность исследования** обеспечивается бурным развитием новолатинской филологии начиная с середины XX в. В 1973 г. была основана Международная ассоциация новолатинских исследований; в Швеции первая филологическая диссертация на новолатинскую тему была защищена в 1988 г.¹, в России следует отметить недавние работы Д. Л. Либуркина (2000) и Г. М. Воробьёва (2017)². Вместе с тем и новолатинская историография Швеции, и тема двуязычных изданий в исследованиях, посвящённых новолатинской литературе Швеции, за редкими исключениями остаются в тени: основное внимание на сегодняшний день уделяется поэзии и латинским университетским диссертациям.

¹ Jönsson A. M. Johannes Messenius: Chronologia Sanctae Birgittae. A critical edition with introduction and commentary. Lund, 1988.

² Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Вторая половина XVII – первая треть XVIII в. М., 2000; Воробьёв Г. М. Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии. СПб., 2017. Как и в Швеции, памятники новолатинской литературы рассматривались в диссертационных исследованиях и раньше, но не с филологической, а с исторической точки зрения (пример: Е. А. Савельева. «История северных народов» Олауса Магнуса и её известия о России. Л., 1974).

Если говорить о **степени разработанности темы**, т. е. непосредственно о сочинении Юхана Видекинда и его источниках, то приходится констатировать, что вышеназванный комментированный русский перевод является главной обобщающей работой на эту тему. Оценка качества самого перевода не входит в наши задачи, но следует отметить несколько существенных недостатков (в т. ч. источниковедческого плана): 1) переводчики не сделали ряд простых конъектур к латинскому тексту; 2) аппарат, содержащий результаты сличения латинского и шведского текстов, обнаруживает множество пробелов, включая при этом и явно избыточные указания; 3) из двух статей, сопровождающих текст, первая, написанная в 1930-е гг., в известной степени тенденциозна, вторая, написанная в 1990-е гг., содержит множество ошибок и даже одну полноценную мистификацию. В остальном ценность этой работы, единственной, повторим, специальной работы о Видекинде на сегодняшний день, несомненна. Помимо комментария и текстологического аппарата, русскому переводу «Истории» сопутствует обширный библиографический список.

В отношении источников Видекинда издатели перевода добавляют некоторые детали к работе Хельге Альмквиста “Sverige och Ryssland 1595–1611” (Uppsala, 1907), предисловие и примечания в которой можно считать главным на сегодня оригинальным исследованием на эту тему. Для Альмквиста, однако, поиск источников Видекинда является вспомогательной целью, а детальные сравнения этих источников с обеими версиями труда Видекинда и вовсе осуществляются им лишь в нескольких случаях.

Книга Видекинда фигурирует также в исследованиях Кари Таркиайнена, но для основных интересующих нас вопросов он не даёт ничего существенного.

Таким образом, до сегодняшнего дня вопросы об истории создания труда Видекинда и о соотношении его латинского и шведского текста, которые сопоставление с источниками во многом проясняет, или вовсе обходились стороной, или решались походя и некорректно. Сложилась парадоксальная ситуация: при довольно полном представлении об общем наборе источников Видекинда (настоящая диссертация добавляет к этой картине лишь отдельные

штрихи) учёные привлекают его текст без внимания к тому, оригинал они цитируют или перевод. В ещё большей мере, чем в исторических исследованиях, это удивляет в случае с исследователями шведского языка: огромный шведский текст «Истории десятилетней шведско-московитской войны» обильно цитируется авторами академического словаря шведского языка (Svenska akademiens ordbok) и фигурирует как иллюстративный материал в иных лингвистических работах, между тем как в одних случаях этот текст является переводным, а в других – оригинальным (и тогда чаще всего восходящим к документам на языке начала XVII века).

Из сказанного следует **цель** настоящей работы – определить соотношение между латинской и шведской версиями «Истории десятилетней шведско-московитской войны» и на основании этого прояснить историю создания памятника на всех ее этапах.

Основными задачами, которые предполагает эта цель, являются: 1) разбор авторских свидетельств Видекинда о процессе его работы над текстом, 2) уточнение и пополнение перечня источников «Истории десятилетней шведско-московитской войны» и прояснение характера их использования автором; 3) детальное сопоставление текста источников с соответствующими отрывками произведения Видекинда.

Вспомогательными задачами являются составление по возможности полного списка произведений Видекинда, эмендация – в необходимых случаях – латинского текста «Истории», а также определение авторства стихотворений в конце исследуемого сочинения.

Материалом исследования являются шведский и латинский текст «Истории десятилетней шведско-московитской войны», письма Видекинда Магнусу Габриэлю Делагарди и тексты источников «Истории» – как известные ранее, так и обнаруженные нами в ходе исследования. К **объектам** относятся те отрывки «Истории», источники которых установлены ранее или выяснены впервые, равно как и иные свидетельства, относящиеся к созданию памятника. **Предмет** исследования – история создания текста Видекинда и характер его

историографического творчества, реконструируемые на основании указанных отрывков и свидетельств.

Теоретико-методологической базой исследования послужили текстологические принципы и приёмы, традиционно используемые в классической филологии. В отношении метода это – приёмы прицельной критики текста, автограф которого утрачен. В теоретическом плане наряду с трудами антиковедов ориентиром нам послужили работы, рассматривающие тот или иной литературный памятник раннего Нового времени как компиляцию³.

Научная новизна состоит в обобщении имеющихся и открытии новых сведений об источниках «Истории десятилетней шведско-московитской войны», уточнении – в ряде пассажей – текста её латинской версии и определение во многих случаях того, какой из двух текстов следует признать оригинальным (или переработкой оригинального), а какой переводным. Впервые в науке выдвинуто предположение о внутреннем делении «Истории» и этапах создания обеих её версий.

Теоретическая значимость обусловлена, во-первых, применением источниковедческой критики к двуязычному произведению и, во-вторых, демонстрацией возможностей текстологического анализа применительно к тому обширному материалу, который представляют собой переводы с латыни и на латынь в шведской литературе Нового Времени⁴.

Практическая значимость исследования определяется следующими

³ К таким исследованиям относятся, прежде всего, «генеалогический» разбор Стефаном Мундом Россики XVI в. и работы А. А. Костина, освещающие историю создания риторических трудов М. В. Ломоносова. Mund S. *Orbis Russiarum: genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance*. Genève, 2003; Костин А. А. Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников (новые материалы) // *Slavica Revalensia*. Vol. II. Таллинн, 2015. С. 9–34 (и другие статьи последних лет).

⁴ В фундаментальной монографии Стины Ханссон “*Afsatt på swensko*” (Göteborg, 1982) рассматриваются социологические и книговедческие вопросы, связанные с переводами на шведский в XVII в. (с латыни и других языков). Историю переводов на шведский в широкой диахронии, причём с позиций филологии *sensu stricto*, в настоящее время исследует Ларс Воллин (программная статья: Wollin L. *Den osedda doktrinen. Något om att skriva en svensk översättningshistoria*. Kungliga Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. Årsbok, 2014. S. 27–51).

тремя моментами: 1) его результаты могут быть использованы для подготовки критического издания текста Видекинда, в первую очередь – латинского; 2) точные сведения о соотношении версий столь важного исторического источника окажется необходимым для дальнейшего исследования истории России и Швеции; 3) работа может быть полезна для исследователей истории шведского языка, но главным образом – для латинистов, изучающих памятники новоевропейской литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ни о шведском, ни о латинском издании «Истории десятилетней шведско-московитской войны», взятом целиком, нельзя говорить как об оригинале или переводе: обе версии имеют смешанный характер. В то же время множество отдельных сегментов «Истории» можно рассматривать как переводы с латыни на шведский или со шведского на латынь.

2. Есть все основания предполагать, что из десяти книг «Истории десятилетней шведско-московитской войны» первые две целиком первоначально написаны по-латыни, книги с третьей по седьмую имеют смешанный характер, а книги с восьмой по десятую написаны по-шведски практически без опоры на какие-либо латинские материалы.

3. Сопоставление обеих версий текста Видекинда с текстом «Истории Владислава» Станислава Кобержицкого показывает, что исходно латинские части текста «Истории десятилетней шведско-московитской войны» между подготовкой шведского издания и изданием латинской версии подверглись дополнительному редактированию.

4. Сопоставление обеих версий текста Видекинда с текстом обеих версий хроники Петра Петрея показывает, что Видекинд пользовался преимущественно шведской версией Петрея и использовал её в два этапа, сначала интегрировав сведения из Петрея в латинский черновик, а в дальнейшем, при подготовке шведского издания, добавив в текст ещё три отрывка.

5. Помимо произведений Кобержицкого, Петрея, Оксеншерны и ряда установленных ранее документальных источников сочинение Видекинда

содержит относительно пространные отрывки из анонимной «Московитской трагедии», «Записок о Хотинской войне» Якуба Собеского, «Саксонии» Давида Хитрея, «Театра человеческой жизни» Теодора Цвингера и «Записок о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна.

6. Из 19 стихотворений, присутствующих в «Истории», четыре позаимствованы Видекиндом у Иоганна Нарссия, в то время как в отношении большинства остальных можно уверенно говорить об авторстве самого Видекинда.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах, прочитанных на конференциях “Colloquium Balticum XIV Tartuense” (Тарту, 5–7 ноября 2015 г.), “Stolbovo 1617–2017” (Лунд, 16–17 февраля 2017 г.), “Att dikta för livet, döden och evigheten. Nya teorier, metoder och infallsvinklar i forskningen kring tillfällesdiktning 1500–1800” (Лунд, 26–28 апреля 2017 г.) и на XLVII Международной филологической научной конференции (Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.), а также на двух заседаниях аспирантского семинара кафедры классической филологии СПбГУ (2017 г.).

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из Введения, пяти глав (из которых первая и третья делятся на подразделы) и Заключения; к диссертации прилагается список использованной литературы и три приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассмотрены языковой и литературный контекст написания «Истории десятилетней шведско-московитской войны». XVII век – время максимального усиления роли латыни во многих сферах общественной жизни Швеции: этот язык доминирует в дипломатии, в науке, в образовании и во многих жанрах художественной литературы. Шведский язык несколько улучшает свои позиции лишь к концу века. Наиболее известные историографические памятники эпохи шведского Великодержавия написаны по-латыни. К ним можно отнести труды Юхана Мессения, Иоганна Локценя, Иоганна Шеффера и др. Как королевский историограф и автор главного литературного источника по истории Ингерманландской войны, Юхан

Видекинд также занимает важное место в новолатинской историографии Швеции. Тем не менее ни его личности, ни его произведениям отдельные научные исследования – если не считать нескольких биографических статей шведского архивиста Ингеля Вадена и русского перевода «Истории десятилетней шведско-московитской войны» – до сих пор не посвящались.

Первая глава «Юхан Видекинд и его творчество» содержит, во-первых, биографию Видекинда (**1.1**); помимо общего обзора довольно скудных сведений, приводимых в биографических словарях и статьях, продемонстрирована беспочвенность прослеживающейся в русском переводе мысли, будто арест Видекинда в 1675 году как-то связан с его историографическим творчеством. **Раздел 1.2** представляет собой по возможности полный перечень известных сочинений Видекинда – прежние списки, присутствующие в различных библиографических справочниках (и по разным причинам весьма далёкие от полноты) дополняются, среди прочего, обнаруженной нами в библиотеке Уппсальского университета рукописной поэмой в честь Роскильльского мирного договора, которая оказывается самым длинным стихотворным сочинением Видекинда. Также подтверждается – на основании сразу нескольких параллелей с другими стихотворениями Видекинда – предположение об авторстве эпитафии его отцу, сделанное ранее Хансом Хеландером.

В **разделе 1.3** приводятся общие сведения об «Истории десятилетней шведско-московитской войны»: вероятный тираж обеих версий, формат изданий, отличия между экземплярами двух версий, краткое содержание. Рассмотрены две проблемы, связанные с заголовком сочинения. Во-первых, не вполне ясно, почему Видекинд называет войну «десятилетней» и говорит там же, на титульном листе, что она продолжалась с 1607 по 1617 год – в то время как корпус Делагарди прибыл на помощь Василию Шуйскому лишь в 1609 году. Приходится предполагать, что отсчёт ведётся с появления Лжедмитрия II, а поспособствовать этой натяжке могло отсутствие в классической латыни прилагательных «восьмилетний» и «девятилетний». Во-вторых, доказывается, что, хотя в латинской версии война называется

«шведско-московитской», а в шведской версии «шведской войной в России», большого значения этой разнице придавать не стоит: с одной стороны, Видекинд вообще избегает по-шведски словообразовательную модель, подобную латинскому “*Sveco-Moscoviticus*”, с другой стороны, в его латыни эта модель имеет расширенное значение, которое позволяет трактовать “*Bellum Sveco-Moscoviticum*” не только как «война между шведами и московитами», но и шире – как «война с участием шведов и московитов», что лучше согласуется с непосредственно следующими в заголовке словами о том, что началась она с объединения сил шведов и Василия Шуйского.

В разделе 1.4 предлагается ряд эмендаций латинского текста Видекинда:

P. 38: *Caeterum cum omnes viae partim peste partim patrociniis rebellium Moschorum infestae essent...* – Следует читать *latrociniis* (ср. *Röfwerij* в шведском тексте).

P. 266: *Sin autem Svecis ut externis incolis concessa fuerit libera negotiatio in locis Moschoviae hactenus non svetis...* – следует читать *aut*, а не *ut* (ср. *eller* в шведском тексте и постоянную, хотя и по-разному выражаемую формулу «шведы и/или иностранцы» во всём тексте договора Делагарди с новгородцами).

P. 271: *Nos itidem in ejusdem rei certitudinem et firmamentum, quod eadem fidei et obsequii pacta... servabuntur... Ego nempe Isidorus Metropolitae... et nos Archimandritae... ut et nos... Mercatores, Opifices et cuiuscunque status homines, qui sub Magnae Nougardiae Dominio continemur, ut et non extranei Mercatores ibidem nunc commorantes, spondemus et... instrumentum... propriis sigillis munivimus.* – Следует читать *nos*, а не *non* (ср. *des auch die fromden kaufleute* в немецком переводе договора, выполненном Гансом Флёрехом в 1613 г.).

P. 307: *Vasilius... senatum partes ac plebem oppressit.* – Следует читать *pariter* (ср. используемый Видекиндром текст Хитрея, а также “*så wäl öfwer Rådet som öfwer Gemeene man*” в шведском тексте).

P. 323: *Moschi... praesidium... eo ardore oppugnant, ut Poloni aliorum moeniorum munimenta deserere, seque intra arcem abdere cogentur.* – Следует читать *alborum* (ср. используемый Видекиндром текст Кобержицкого и *hwijta* в шведском тексте).

P. 365: Certo nobis persuademus Fid. T. non praetermissuram, has... de nobis totaque Repub. Polona III. iterata Fid. T. promissa benemerendi occasiones. – Следует читать на месте числообразного символа *juxta* (ср. p. 402: “*misisse iam Regiam M<ajesta>tem juxta Pactum Nougardensium cum D. Jacobo Pontio, et promissa sua... fratrem suum*”).

Шведская версия, s. 929, надпись на пограничном камне:

Huc Regni posuit fines Gustavus Adolphus

Rex Svecorum, fausto numine duret opus.

– Следует читать *Sveonum* или *Svionum*, чего требуют правила латинской метрики; просодические ошибки (или вольности) и в эпоху Видекинда, и полувеком ранее вовсе не редки, но всё же немыслимы в таких тривиальных случаях, как окончание *Gen. Plur.*

Элегия о Москве среди приложений в конце латинской версии:

Donec eras felix armis, et divite gaza

Turbata vix pacis tum borealis eras.

– Следует читать *Turbatrix* (ср. *Vexatrix* в тексте Иоганна Нарссия, у которого Видекинд заимствует это стихотворение).

В главе 2 рассматриваются свидетельства самого Видекинда об истории создания своего сочинения. Главным из них является собрание писем историка к Магнусу Габриэлю Делагарди, хранящееся в Государственном архиве Швеции. Эти письма не были неизвестны исследователям, однако информация, которую можно почерпнуть из них об «Истории», Кари Таркиайненом была отчасти проигнорирована, а Теодором Вестрином представлена некорректно. Видекинд упоминает о своей работе над «Историей» *expressis verbis* начиная с 1662 г., но уже первое письмо, датирующееся 8 января 1661 г., содержит аллюзию на Тацита, повторённую затем в «Истории», и аллюзия эта позаимствована Видекиндом из рукописного сочинения Акселя Оксеншерны, лёгшего в основу первой книги «Истории», – следовательно, к 1661 г. Видекинд уже работал с рукописью Оксеншерны. Почти целиком произведению посвящено последнее в наборе писем, датирующееся 15 марта 1672 г. В нём Видекинд утверждает, что

сначала написал «Историю» по-латыни, а затем перевёл её – отчасти самостоятельно, отчасти с чужой помощью – на шведский язык.

Это утверждение, конечно, не позволяет нам воспринимать текст латинского издания как основу для того шведского текста, который мы видим в шведском издании: многочисленные отличия между версиями заставляют думать скорее о латинском (или, как мы увидим, частично латинском) черновике, к которому восходят обе. Существование черновика Видекинда подтверждает, говоря в посвятельном письме шведской версии о том, что ссылки на источники даёт только в черновике, а черновик оставляет в Архиве; этот черновик не сохранился, но верить Видекинду позволяет параллельная ситуация с его же «Историей Густава Адольфа», часть черновика которой – равно как и рукописный посвятельный экземпляр – сохранилась и ссылки действительно содержит.

Здесь мы переходим к вопросу об источниках, сопоставление с которыми, как нам представляется, проясняет вопрос о процессе работы над обеими версиями «Истории». Видекинд систематически молчит о том, какие материалы использовал, проговариваясь относительно Станислава Кобержицкого лишь в 10-й книге, а на некоторые другие ссылаясь в приложении, посвящённом истории Новгорода.

Третья глава посвящена литературным источникам Видекинда. Основным источником, «История Владислава» Станислава Кобержицкого, рассматривается в **разделе 3.1**. Видекинд обширно использует «Историю Владислава» в книгах с первой по седьмую; в третьей книге фрагменты, представляющие собой переработку текста Кобержицкого, составляют четверть всего текста Видекинда, в четвёртой – более трети. Как правило, Видекинд использует Кобержицкого для тех частей, которые касаются польско-русских отношений, но в нескольких случаях ставит слова польского историка в совершенно новый контекст: пассаж Кобержицкого об ожидании московитами Владислава, открывающий четвёртую книгу его труда, перенесён Видекиндом в свою седьмую книгу, и речь идёт уже не о Владиславе, а о Карле Филиппе; шутку поляков о браке Лжедмитрия II и Марины Мнишек слово в слово по

Кобержицкому повторяет у Видекинда Якоб Делагарди в письме Зборовскому; слёзы Василия Шуйского при встрече с Делагарди оказываются списанными с аналогичной сцены во время переговоров оппозиционных Шуйскому москвичей с Сигизмундом у Кобержицкого.

Тенденции историка при использовании Кобержицкого довольно предсказуемы: Видекинд не разделяет резко отрицательного отношения своего польского коллеги к Шуйскому, опускает восторженные эпитеты в отношении польских военачальников, всячески прославляет Якоба Делагарди: в нескольких главах подряд в конце 3-й книги Видекинд не забывает в отрывки, позаимствованные у Кобержицкого, вставить рядом с именем Скопина-Шуйского имя Делагарди.

Латинский текст Видекинда всюду настолько близок к (латинскому же) тексту Кобержицкого, что говорить об обратном переводе на латынь со шведского было бы абсурдно. Сопоставление обеих версий текста Видекинда с текстом Кобержицкого позволяет обнаружить доказательства трёх фактов:

1) латинский и шведский тексты Видекинда не могут восходить к тексту Кобержицкого независимо друг от друга: они обнаруживают одинаковые отличия от него и в некоторых случаях общие друг с другом ошибки;

2) шведский текст Видекинда в отрывках, позаимствованных из Кобержицкого, является переводом (черновой) латинской версии Видекинда, о чём свидетельствует не только близость латинского текста Видекинда к тексту Кобержицкого, но и некоторые из ошибок;

3) латинский текст Видекинда уже после перевода на шведский подвергся редактированию, о чём говорят некоторые случаи, где шведский текст немного полнее передаёт текст Кобержицкого.

В качестве «эталонного» примера, иллюстрирующего все три указанных обстоятельства, приведём отрывок из шестой книги, где описывается штурм Смоленска и разрушения после взрыва на пороховом складе.

Kobierzycki, p. 416: rudera... amovent. Et ecce attoniti reperiunt marem et faeminam spirantes viventesque. Faemina... confestim exanimis concidit: alter ad

castra perductus... hausto vino non supervixit. Sedecim dies ruderibus coopertos... vitam protrahere potuisse, omnibus certe admirationi fuit.

Widekindi (1671), ss. 353–354: Tolff dagar ther effter funnes två karlar vnder gruuset/ som ännu wore lefwandes/ doch strax sedan the wore vptagne/ och hade ätit/ så blefwe the döde⁵.

Widekindi (1672), p. 287: duobus per duodecim dies inter rudera (quod mirum) superstitibus.

Цитируемый пример позволяет констатировать, во-первых, что Видекинд неаккуратно написал числительное в черновике: должно быть, у него получилось нечто вроде XII, в результате чего шестнадцать дней в обеих версиях превращаются в двенадцать. Во-вторых, он или его помощник делает ошибку в шведском тексте при переводе двусмысленного латинского *duobus*: «мужчина и женщина» из текста Кобержицкого становятся «двумя мужчинами», ‘*två karlar*’. Наконец, при подготовке латинского издания Видекинд вычёркивает слова о дальнейшей судьбе этих людей, которая сохранена лишь в его шведском тексте.

В разделе 3.2 рассматривается использование Видекиндом хроники своего соотечественника Петра Петрея. Значение этого источника несколько преувеличено издателями русского перевода, представляющими дело так, как будто Петрей – важнейший источник первых двух книг и историко-географических деталей в труде Видекинда. В действительности речь может идти лишь о паре десятков коротких пассажей (порой – об отдельных фразах), преимущественно сосредоточенных в книгах со второй по пятую. Их идентификация связана с несколькими проблемами.

Вопрос о том, где Видекинд пользуется Петреем, а где также использующим Петрея Кобержицким, трудности не представляет: схожесть языкового облика латинских текстов Видекинда и Кобержицкого безошибочно указывает на источник. То же касается и различия заимствований из

⁵ «Двенадцать дней спустя под обломками нашли двух мужчин, ещё живых, но как только их подняли на поверхность и они поели, они умерли».

Оксеншерны (который, несомненно, был в какой-то мере знаком с сочинениями Петрея) и заимствований из Петрея, но здесь трудность создаёт лакуна в тексте Оксеншерны, соответствующая у Видекинда отрывку с середины четвёртой до конца девятой главы первой книги. Представляется, что указание на отравление царя Фёдора Годуновым в I.7, хотя и восходит в конечном счёте к Петрею, вполне могло содержаться в тексте Оксеншерны. Иначе обстоит дело с упоминанием королевича Густава в I.9. Этот пассаж, во-первых, является неудачно оформленной вставкой, во-вторых, в точности соответствует деталям из сообщения Петрея о Густаве; в-третьих, эпизод, в который он встроен (приём польских и шведских послов в Москве), содержательно подходит к основной теме очерка Оксеншерны – польско-шведским отношениям.

Возможный вопрос о наличии у Видекинда доступа к рукописи хроники Конрада Буссова, обширно использовавшейся Петреем, решается путём сопоставления релевантных отрывков у Буссова, Петрея и Видекинда. Текст Видекинда во всех случаях ближе к тексту Петрея, контрпримеры не обнаружены – не остаётся сомнений в том, что текстом Буссова Видекинд не пользовался.

Об использовании Видекиндом историко-географических данных, приводимых Петреем, приходится говорить с большой осторожностью. В частности, отрывки о Твери и Переславле-Залесском в третьей книге Видекинда, несмотря на сходство с соответствующими отрывками у Петрея, восходят к Герберштейну, Гваньини или иному латиноязычному источнику, опирающемуся на эти два. В экскурсе о Днепре в седьмой книге всем деталям, общим для Видекинда с Петреем, а вдобавок и некоторым другим, есть соответствие в рукописном трактате Филиппа Крузиуса фон Крузенштерна, который, как явствует из ссылки в «Истории Густава Адольфа», Видекинду был известен.

Что касается документальных источников, здесь следует исходить из независимого от Петрея использования их Видекиндом. Так, при описании переговоров Якоба Делагарди с Василием Бутурлиным в июне 1611 г. и Видекинд, и Петрей пользуются протоколом, присланным Делагарди Карлу IX, однако Видекинд делает это менее конспективно – использование им здесь

Петрея, о котором говорится в комментарии к русскому переводу, совершенно исключено. То же касается церемонии утверждения Столбовского договора в Москве: Петрей, как показал К. Таркиайнен, кратко пересказывает опубликованный в Гамбурге в 1619 г. *Itinerarium*, в то время как Видекинд имеет перед глазами тот же документ, что и автор этого «Итинерария».

Выделив с учётом изложенных трудностей те отрывки, в которых Видекинд несомненно или почти несомненно опирается на Петрея, можно перейти к вопросу о том, какой из двух версий Петрея (шведской или немецкой) он пользуется и на каком языке при этом пишет. Выводы таковы:

1) Хотя в приложении о Новгороде Видекинд ссылается на немецкую версию Петрея, в остальном он, по-видимому, пользуется шведской: об этом говорят, во-первых, три отрывка (в III.26, III.28 и V.5), слово в слово воспроизводящие в шведской версии Видекинда шведскую версию Петрея, а во-вторых, несколько случаев, подобных следующему (описание Нотебурга):

Petrejus 1615, I, ss. 63–64: Skal man thet öffuerwinna/ tå måste thet skee medh **godha** eller medh hunger.⁶

Petrejus 1620, SS. 80–82: Soll man es gewinnen/ so muss es durch Hunger/ oder **Kranckheit** geschehen.

Widekindi 1671, s. 310: Thetta Nötheborg... tycktes ööfwerwinnerligit/ så frampt thet icke medh hunger/ eller genom **wänligh affhandling** öfwergå kunde⁷.

Widekindi 1672, pp. 243–244: Castrum hoc... munitum erat... ita ut nonnisi fame vel **amica transactione** ad deditionem compelli posset.

2) Несмотря на наличие трёх отрывков, в которых шведский текст Видекинда дословно списан со шведского текста Петрея, в остальных случаях Видекинд, по-видимому, сначала пересказывает Петрея по-латыни, а потом переводит на шведский. Об этом говорят отдельные ошибки в шведском тексте: например, во второй книге, когда поляки находят подходящего кандидата на

⁶ «Если нужно взять его, тогда это должно произойти полюбовно или при помощи голода».

⁷ «Этот Нотебург представлялся неберущимся, если не сдастся благодаря голоду или дружественным переговорам».

роль нового Лжедмитрия, они обстоятельно рассказывают ему о «прошедших событиях» (то есть о событиях в Москве и Угличе), чему соответствует в латинском тексте Видекинда выражение “*praeteritarum rerum memoria*”, в то время как в шведском Лжедмитрий неожиданно набирается опыта в «старинных историях» (“*gamble Historier*”). В эпизоде с убийством Лжедмитрия II в V.5 Видекинд выражается не вполне ясно в обеих версиях, однако шведский текст оказывается механической передачей латинского, на что указывает усугубление путаницы, связанной с подлежащим придаточного предложения (“*quod patri proditorie necem in aqua accelerasset*” – “*therföre at han hembligen hade låtit dränckia hans Fader*”: латинскому *patri* в шведском соответствует *hans Fader* вместо корректного *sijn Fader*, поскольку подразумеваемое подлежащее – не Лжедмитрий, а сын утопленного Ураз-Мухаммеда), и соответствие уместному латинскому “*proditorie*” («предательски») шведского “*hembligen*” («тайно»), на которое Петрей и Кобержицкий никак не намекают. То обстоятельство, что, говоря в VI.13 о слиянии Сухоны и Юга около Устюга, Видекинд меняет петреевское “*nedan för Slottet*” («ниже замка») в “*in om Staden*” («внутри города») и “*intra oppidum*” легче всего объяснить неправильным прочтением “*infra*” в черновике, да и превращение «замка» в «город» естественнее при промежуточном варианте “*oppidum*”, чем без него.

Итак, наиболее вероятно, что Видекинд работал с текстом Петрея в два этапа: сначала пересказывая его по-латыни (и, очевидно, расставляя при этом ссылки), а затем при переводе на шведский добавив ещё три отрывка из Петрея – причём как раз в те главы, которые уже содержали некоторые детали из того же источника и тем самым подсказали Видекинду желание привлечь текст своего предшественника повторно.

В разделе 3.3 перечислены прочие (помимо Кобержицкого и Петрея) литературные источники Видекинда – как известные науке, так и устанавливаемые впервые. Расшифрованы все ссылки, которые Видекинд даёт в приложении, посвящённом Новгороду, – по-видимому, оно представляло собой отрывок из черновика, включённый в латинскую версию (и даже не во

все её экземпляры) в последний момент, и потому в этом приложении нарушается принцип замалчивания источников. В данном случае Видекинд пользуется трудами Станислава Сарницкого, Давида Хитрея, Каспара Шютца, Эберхарда фон Вейе, Христофора Варшевицкого, Юлия Цезаря Скалигера, Энея Сильвия Пикколомини и Александра Гваньини. Обе ссылки на исторический труд «Вандалия» Альберта Кранца позаимствованы из других источников, поэтому оснований предполагать её непосредственное использование Видекиндром не имеется.

Помимо расшифровки ссылок, удаётся обнаружить ещё один важный источник приложения – популярную в XVII веке энциклопедию «Театр человеческой жизни» Теодора Цвингера. В основном же тексте сочинения идентифицируются все источники экскурса о Пскове (VI.9), который скомпилирован Видекиндром из отрывков «Саксонии» Давида Хитрея и «Записок о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, и основные источники экскурса о казаках (VII.5), который опирается на «Комментарии о Хотинской войне» Якуба Собеского, а также на уже упомянутого Цвингера.

Большинство источников этих трёх больших географических отрывков присутствует в каталоге книжного собрания Акселя Оксеншерны, опубликованном в 1732 г. Это прекрасно соотносится с тем обстоятельством, что Видекинд с 1655 г. был библиотекарем на службе сыновей Оксеншерны.

Конец первой книги с перечислением официальных обвинений в адрес убитого Лжедмитрия I, как выясняется, позаимствован Видекиндром в анонимной «Московитской трагедии», вышедшей в Кёльне в 1608 г. Отдельные отрывки «Истории» восходят к произведениям Станислава Лубенского и Павла Пясецкого. Из «Истории Густава Адольфа» мы узнаём, что Видекинду были известны рукописный трактат Филипа Крузиуса фон Крузенштерна о московитской торговле и широко известный труд Адама Олеария, однако следов сколько-нибудь обширного их использования обнаружить не удаётся.

Из сопоставления источников с текстом латинской и шведской версий с несомненностью следует, что все крупные географические экскурсии, а также

вся первая книга, основывающаяся на очерке Акселя Оксеншерны с небольшими вставками из Хитрея, Кобержицкого, Петрея и «Московитской трагедии», первоначально написаны по-латыни и воспроизводят текст источников почти слово в слово.

В **четвёртой** главе анализируется использование Видекиндом документальных источников. Помимо тех, которые он оформляет как цитаты (приводя целиком, впрочем, лишь в отдельных случаях), можно уверенно говорить о многих сотнях использованных документов, преимущественно писем. На многие из них в тексте присутствуют косвенные ссылки («Якоб Делагарди пишет королю, что...» и т. п., хотя порой адресат или отправитель неясен). В отдельных случаях присутствуют также даты – особенно богаты ими книги с восьмой по десятую.

При сопоставлении обеих версий Видекинда с известными документальными источниками обнаруживается, что его шведский текст в абсолютном большинстве случаев представляет собой их дословную или сокращённую передачу, в то время как латинский является переводом со шведского. Таков, в частности, характер использования сохранившихся донесений Якоба Делагарди Карлу IX за 1611 г., которые составляют значительную часть пятой книги. Донесения Делагарди за 1609–1610 гг. не сохранились, но не вызывает сомнений, что во времена Видекинда они составляли единый массив документов с более поздними и обширно используются в третьей и четвёртой книге. Помимо этого, несколько страниц в четвёртой книге составляет реляция Эверта Горна от 23 мая 1610 г., а почти десятую долю восьмой – протокол переговоров в Выборге 28 августа 1613 г. Оба эти документа воспроизводятся дословно и почти без сокращений внутри цитируемых частей, будучи в этом смысле удобными для Видекинда по сравнению с упомянутыми донесениями Делагарди или актами риксдага 1614 г., пересказ которых составляет первую главу девятой книги: очерк Горна является сжатым пересказом военных действий, произошедших за три месяца, а протокол переговоров – удачным поводом вставить в повествование прямую речь, которая в «Истории» является большой редкостью.

В латинском тексте с документами, оригинал которых в том или ином виде воспроизводится по-шведски, Видекинд поступает по-разному: донесения Делагарди в пятой книге тщательно переводятся, протокол Выборгских переговоров переведён с заметными сокращениями. Письмо Эверта Горна брату Хенрику в конце седьмой книги в латинском тексте заменено отсылкой к шведскому. Интересен случай с вышеупомянутым донесением Горна в четвёртой книге: сначала Видекинд переводит его со шведского, но ближе к концу соединяет в латинском тексте с изложением тех же событий Кобержицким, в шведском при этом продолжая цитировать исключительно Горна. Аналогична ситуация с описанием Клушинского сражения, которое в шведском тексте существенно сокращено за счёт того, что там, по-видимому, пересказывается только утраченное донесение Делагарди, в то время как в латинском варианте обильно цитируется Кобержицкий (на шведский в данном случае не переведенный).

В конце пятой книги Видекинд приводит текст договора Якоба Делагарди с новгородцами. Договор этот сохранился в немецком переводе с русского, выполненном Гансом Флёрихом в 1613 г. и напечатанном в *Sverges Traktater* (bd. V, ss. 200–211). Хельге Альмквист резонно предполагает, что в шведском издании Видекинд приводит оригинальный шведский текст. Относительно же латинской версии Альмквист (а вслед за ним издатели русского перевода) утверждает, что она скомпилирована Видекиндром из шведского и немецкого текста, о чём тот якобы сообщает сам, когда пишет в латинской версии: “Nunc ab utraque parte ratorum pactorum formulas... pressiori stylo interseram”. В действительности *ab utraque parte ratorum pactorum* здесь означает не более чем «соглашение, к которому пришли обе стороны», и шведский текст содержит здесь точную по смыслу параллель: “Fredzfördraget bägge sijdor emellan”. На деле же единственное существенное отличие латинского текста договора у Видекинда от шведского – последний параграф с подтверждением со стороны новгородцев, который отсутствует в его шведском тексте, в то время как параграф с подтверждением со стороны Делагарди отсутствует в переводе Флёриха. Поэтому вполне возможно (хотя в силу утраты шведского подлинника

утверждать это наверняка нельзя), что Видекинд действительно воспользовался немецким текстом при написании латинского – но только в этом последнем параграфе: в остальном латинский текст договора является переводом со шведского и во многих случаях заметно отстоит от текста Флёриха.

Как можно было ожидать, большинство шведских документов, сколько-нибудь пространно цитируемых или пересказываемых Видекиндром, передаются им изначально по-шведски, а на латынь переводятся. Мы тем не менее обнаружили одно немаловажное исключение. Вторая книга завершается кратким содержанием Выборгского договора, заключённого 28 февраля 1609 г. Его шведский текст сохранился, и можно говорить о том, что передача Видекинда в обеих версиях является очень кратким (214 слов по-латыни, 342 по-шведски, в то время как в *Sverges traktater* договор занимает 11 страниц), но очень аккуратным изложением договора – все основные его пункты отражены. Несмотря на краткость, удаётся найти аргументы, позволяющие с большой уверенностью утверждать, что Видекинд сначала пересказывает договор по-латыни (или списывает его содержание с латинского источника), а затем переводит этот пересказ на шведский:

1) шведский текст Видекинда не содержит ни единого заметного совпадения с формулировками оригинала, вплоть до того, что Копорский, Ямский и Ивангородский уезды названы у него “länder” («земли») в противоположность более специфическому – и Видекиндром в других местах вовсе не избегаемому – “lhänn” («лены») оригинала;

2) слова и фразы, присутствующие только в какой-то одной из двух версий текста Видекинда, здесь немногочисленны, однако в латинском тексте во всех трёх случаях имеют соответствие в источнике, в то время как в шведском в двух случаях являются авторским добавлением, а ещё в двух не дают ничего существенно нового;

3) во втором параграфе договора “omnes et singulas Livoniae partes” точнее соответствует словам оригинала, чем “hwariehanda Rum och Orth i heela Lijffland” («всякого рода территории и места во всей Ливонии»); в третьем

параграфе “cum alterius ignorantia, dissensu vel exclusione” имеет в оригинале соответствия всем трём элементам, в то время как в шведской версии читаем “vthan then andras wettskap/ tilstånd och frija wilia” («без ведома, согласия и свободной воли другой стороны»), где третий элемент синонимичен второму; в обоих случаях в шведской версии количество однородных членов, как кажется, попросту подсказано латинским текстом;

4) последние слова договора в передаче Видекинда – “adversus communem hostem” / “emoot Pålacken” – не вполне верно передают смысл оригинала, где без уточнения сказано о «врагах шведов», но латинская формулировка ближе к оригинальной (“emott theres fiender”, т. е. «против их врагов»).

Пятая глава, не связанная напрямую с вопросом о соотношении шведского и латинского текста, но имеющая непосредственное отношение к вопросу об источниках Видекинда, посвящена авторству стихотворений, содержащихся в «Истории». Четыре элегии о городах – о Москве, о Новгороде, о Твери и о «двух Нарвах», – присутствующие только в латинской версии, позаимствованы Видекиндом (с незначительной переработкой) у голландца Иоганна Нарссия, по разным поводам прославлявшего Густава Адольфа в 1620-х гг. Вопрос о принадлежности большинства других стихотворений решается тем же способом, которым в разделе 1.2 подтверждено авторство Видекинда в случае с эпитафией его отцу, – сопоставлением с остальным корпусом поэтического творчества Видекинда. Стихи в «Истории» обнаруживают аналогичные особенности – употребление часто встречающихся в поэзии Видекинда слов в тех же позициях, вновь используемые полустишия и целые стихи и другие приёмы. Например, стихотворение о Гдове содержит форму от чрезвычайно частого у Видекинда глагола *faticere*, Магнуса Габриэля Делагарди в посвятельном стихотворении автор называет “*Svedorum gloria gentis*” (ср. по разу *Svecanae gloria gentis* в стихах 1650-х гг. о королеве Кристине и Акселе Оксеншерне), стихотворение о роде Горнов содержит пентаметр, первое полустишие которого кончается словом *patriae*, а второе – *tuae*, в то время как формы от *patria* в остальном корпусе встречаются в этой позиции ещё девять раз, в трёх из которых второе полустишие

также кончается притяжательным местоимением. Примеров такого рода множество, и представляется несомненной атрибуция Видекинду по меньшей мере 13 стихотворений. Под подозрением остаются лишь две эпиграммы – на Лжедмитриев и на Марину Мнишек: они присутствуют не во всех экземплярах шведской версии, история Лжедмитрия была хорошо известна в Европе, а малый объём этих эпиграмм затрудняет поиск параллелей.

В **Заключении** с опорой на сумму данных и проведенный в главах 2–4 анализ рассмотрен вопрос о внутреннем делении труда Видекинда. Особое внимание уделяется при этом вступлениям к третьей и восьмой книгам. Первое, хотя и списано с Кобержицкого, содержит правдивые сведения: Видекинд действительно с начала третьей книги пишет подробнее и действительно обширнее привлекает документальные источники. Что меняется с началом восьмой книги, невооружённым глазом незаметно, но само наличие вступления заставляет предполагать переход к некоему новому этапу работы.

Помимо вступлений, о необходимости делить произведение Видекинда по характеру рабочего процесса на три части говорят следующие обстоятельства:

- повествование в первых двух книгах, суммарный объём которых даже в латинской версии едва превышает 1/10 всего произведения, охватывает период в 11 лет (1598–1609), в то время как каждая из следующих покрывает период от нескольких месяцев до двух лет, если не считать конца 10-й книги, где коротко описаны последующие события;

- обширное использование Кобержицкого наблюдается только в первых семи книгах, дальнейшие опираются на него лишь в пяти коротких пассажах;

- практически все историко-географические экскурсы, большие и малые, общей численностью около полусотни, сосредоточены в книгах с третьей по седьмую;

- все отрывки первых двух книг, для которых установлены источники, написаны первоначально по-латыни – даже когда документальный источник является шведским (Выборгский договор);

- в восьмой книге резко возрастает количество указаний на даты и/или места отправки писем, в остальном не оформляемых как цитаты: при схожем

объёме текста ссылок, вводимых “dat.,” “datum” и “de dato” в первых семи книгах 7, в последних трёх 28;

– помимо того обстоятельства, что девятая и десятая книги отсутствуют в латинском издании, весьма характерны количественные соотношения между сколько-нибудь крупными отрывками, отсутствующими в одной из версий: в первых двух книгах таких отрывков нет вовсе, в книгах с третьей по седьмую они не составляют большой доли текстов, в то время как в восьмой около половины шведской версии соответствия в латинской не имеет.

Таким образом, труд Видекинда отчётливо делится на три части: 1) первые две книги; 2) книги с третьей по седьмую; 3) книги с восьмой по десятую.

Принимая во внимание свидетельство самого Видекинда о том, что своё произведение он сначала писал по-латыни, а также характер использования им Петрея и текста Выборгского договора, можно предположить, что на первом, «латинском», этапе работы были целиком написаны первые две книги и части книг с третьей по седьмую. В дальнейшем, приняв решение издать свою книгу также по-шведски (быть может, продиктованное не чем иным как самим объёмом шведскоязычных источников), Видекинд дополнил книги с третьей по седьмую, а также написал книги с восьмой по десятую. После издания шведской версии автор, вероятно, успел подготовить сокращённый перевод восьмой книги и отредактировать предшествующие (также дополнив их переводами со шведского). Как выглядел черновик, который Видекинд оставил в Архиве, сказать трудно. Это могла быть и конечная версия шведского текста. Но если это были предшествовавшие ей подготовительные материалы, то этот документ был, по-видимому, двуязычным: латинским в начале, смешанным в середине, шведским в конце.

Дальнейшие перспективы исследования разнообразны. Если говорить о работе, ориентированной непосредственно на текст Видекинда, возможно, во-первых, дальнейшее уточнение набора его документальных источников – в первую очередь за счёт работы с содержащими ссылки черновиком и посвяtitельным экземпляром «Истории Густава Адольфа», которая имеет

немало пассажей, общих с 6-й–10-й книгами «Истории десятилетней шведско-московитской войны». Во-вторых, уже имеющихся сведений достаточно для того, чтобы проверить слова Видекинда о том, что перевод с латыни на шведский осуществлялся не только им: большая часть фрагментов, написанных изначально по-латыни, установлена, и материал достаточно объёмен для тех или иных наблюдений над техникой перевода.

Если же говорить о возможных исследованиях, где работа с «Историей десятилетней шведско-московитской войны» может быть частью более широкой перспективы, то здесь можно отметить две малоизученные области: 1) в литературном и источниковедческом отношении это новолатинская историография Швеции XVII в., в частности характер работы шведских авторов с источниками; 2) в отношении языка и стиля продуктивным было бы также сопоставление «Истории» с другими переводами с латыни и на латынь в Швеции XVII в.

Работа завершается тремя **приложениями**. Первые два содержат тексты писем Видекинда Магнусу Габриэлю Делагарди. Третье приложение представляет собой по возможности полный список источников отдельных пассажей «Истории», установленных как в прежних исследованиях, так и в рамках настоящего.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В изданиях, включённых в перечень ВАК при Министерстве образования и науки РФ:

- 1) *Vetushko-Kalevich, A. A. Biligual Writings on Bilingual Writings: J. Widekindi's Letters to M. G. De La Gardie [Text] / A. A. Vetushko-Kalevich // Philologia Classica. 2016. № 11. Pp. 289–300.*
- 2) *Vetushko-Kalevich, A. A. Some Notes on the Literary Sources of *Historia Belli Sveco-Moscovitici Decennialis* by Johannes Widekindi [Text] / A. A. Vetushko-Kalevich // Philologia Classica. 2017. № 12. Pp. 177–187.*
- 3) *Vetushko-Kalevich, A. A. Eine Gleichung mit zwei unbekanntem: Johannes Widekindis Exzerpte aus Petrus Petrejus [Text] / A. A. Vetushko-Kalevich // Philologia Classica. 2018. № 13. Pp. 141–150.*

В прочих изданиях:

- 4) *Ветушко-Калевич, А. А.* Дописывая классику: супплементы к античным авторам XV–XVIII вв. [Текст] / А. А. Ветушко-Калевич // Древний мир и мы. 2014. № 5. С. 107–121.

Ветушко-Калевич Арсений Анатольевич

Новолатинская литература Швеции: Юхан Видекинд и его источники

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать __.03.2018 г.
Формат 60х94/16. Бумага офсетная.
Тираж 120 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11